

Введение

Однажды, в дождливый день 17 июня 2009 года, Дэвид Котц терпеливо сидел в маленькой комнате с единственным зарешеченным окном в столичном исправительном учреждении — тюрьме нижнего Манхеттена — в ожидании интервью с Бернардом Мэдоффом, вдохновителем самого крупного финансового преступления в истории. Котц, главный инспектор Комиссии по ценным бумагам и биржам (SEC), расследовал полный провал своей организации в раскрытии созданной Мэдоффом схемы Понци с оборотом в 65 миллиардов долларов — и это после того, как я предупредил о ней SEC в пяти заявках, поданных за период в девять лет.

Котц и его заместитель, Ноэл Френджипейн, сидели напротив пустого кресла, а по другую сторону от него сидели два адвоката Мэдоффа, Айра Ли Соркин и Николь ДеБелло. Наконец в комнату вошел Мэдофф в сопровождении охранника; охранник осторожно разомкнул наручники и снял их с Берни. Мэдофф был королем финансовой промышленности, уважаемым соучредителем и бывшим главой NASDAQ (система автоматической котировки Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам), владельцем одной из самых успешных на Уолл-стрит брокерско-дилерских фирм и выдающимся нью-йоркским филантропом. И вот теперь он сидел между своими безупречно одетыми адвокатами, наряженный в ярко-оранжевый тюремный комбинезон — единственное яркое пятно на фоне тускло-серых стен помещения.

Мэдофф согласился на это интервью с единственным условием: оно не будет записано на магнитофонную пленку. Сначала Котц объяснил Мэдоффу, что по закону тот обязан говорить правду. Возможно, на желание Берни пооткровенничать с Котцом повлиял тот факт, что неделю назад ему вынесли приговор. А может, он из самолюбия ухватился за последний шанс привлечь к себе внимание. Кто может понять мотивы действий Мэдоффа? Именно благодаря своей непредсказуемости он остается загадкой и по сей день.

ВВЕДЕНИЕ

Как позже вспоминал Котц, Мэдофф был чрезмерно учтив и казался откровенным: “Я полагаю, всех нас тревожило, что его ответы на наши вопросы будут односложными, или что он не даст нам достаточно информации, или что его адвокат будет прерывать его всякий раз, когда он захочет что-нибудь сказать — но ничего такого не было. Он подробно отвечал на все наши вопросы. Казалось, он был абсолютно откровенен”.

Больше трех часов Котц и Френджипейн делали подробные, почти дословные записи, а Мэдофф впервые рассказывал историю создания своей “пирамиды”, утверждая, что она возникла почти случайно и что он сам до сих пор удивляется, что SEC его не поймала. Он отзывался об этой организации весьма критически, называя ее следователей идиотами, козлами и трепачами. Котц заметил, что Мэдофф часто хвастался своими связями в финансовой промышленности: “Он утверждал, что знаком с очень многими важными персонами: «я знал этого», тот «был хорошим другом», этого «знал очень хорошо», а с тем были «особые отношения»”.

Прошла уже почти половина времени, отведенного на интервью, когда Котц задал вопрос про меня — и настроение Мэдоффа сразу изменилось. “Позвольте спросить вас, — сказал Котц, заглядывая в свой блокнот, — хорошо ли вы знаете Гарри Маркополоса?”

Мэдофф махнул рукой, словно не желая говорить, и ошетинился. Ничтожество, заявил он Котцу: “Пресса только о нем и пишет, в СМИ только о нем и говорят. Он, должно быть, считает себя пророком. Поверьте мне, вся эта ситуация раздута. Я вот что вам скажу — он просто пешка в большой игре”.

Затем Мэдофф добавил, что я “просто позавидовал” его успехам в бизнесе. Слушая Мэдофа, Котц понял, что тот считает меня кем-то вроде конкурента и его тревожит тот факт, что я привлек к себе внимание общественности, которое по праву принадлежит ему. И Мэдофф не намерен этого допустить. В оставшейся части интервью он защищал свою инвестиционную стратегию, которую я разнес в клочья, и заявил Котцу: “Достаточно присмотреться в тому типу людей, для которых я все это делал, и вы поймете, что это была надежная стратегия. Они знали, что эта стратегия работает. Они знали намного больше, чем этот тип Гарри”.

Нет, они не знали. Они видели только деньги. И не могли знать, что скрывается за опасным обаянием человека, который обозвал меня пешкой.

ВВЕДЕНИЕ

Позвольте мне для начала объяснить, что я абсолютно не горжусь тем, что смеялся последним. Я — Гарри Маркополос, и это мой правдивый отчет о том, как я впервые выступил в роли журналиста-расследователя в помощь SEC.

Как я стал разоблачителем? Все началось в 1999 году, когда мой друг Фрэнк Кейси впервые обратил мое внимание на Мэдоффа. Финансовые успехи этого воротилы Уолл-стрит меня поразили — и я захотел узнать о нем больше. Я попытался получить его отчеты, но ничего не вышло. Позже я понял, что это в принципе невозможно. Одна зацепка за другой — и, наконец, их стало так много, что это уже нельзя было игнорировать.

В мае 2000 года я передал все, что знал, в SEC. Пять раз я сообщал о своих подозрениях, но никто не слушал меня, пока не стало слишком поздно. Я стал разоблачителем, который бросил вызов одному из самых влиятельных людей Уолл-стрит, и в какой-то момент этого кошмарного дела я всерьез испугался за безопасность — свою и своей семьи. Я не сомневался, что совершенное им преступление будет в конце концов признано самым страшным в истории рынка. И вот, десять лет спустя, Мэдофф за решеткой — и все мы знаем, почему.

Моя следственная группа, если можно ее так назвать, состояла из меня и еще троих честных людей, которые, как и я, были убеждены в том, что хорошие моральные принципы надо подтверждать действиями. Наша четверка была последней и, к сожалению, единственной линией обороны, защищающей жертв Мэдоффа от его глобальной организации фондов-паразитов. Мы постарались остановить то, что, как нам известно, было неправильно и незаконно. В результате наших действий SEC — если она продолжит свое существование — станет совершенно другой организацией, а методы контроля и регулирования наших рынков полностью изменятся.

Вот наша история.